

Бан Юньфан поправила его:

— Это не шоу о разводах, а шоу о расставаниях, между ними всё-таки есть разница.

Цинь Унянь возмутился:

— Какая к черту разница?! Разве не одно и то же — взаимный грызню и сплетни устраивать!

Пару месяцев назад одно шоу о разводах взлетело в чартах сразу после выхода, потому что участники прямо в эфире отпускали колкие шпильки и полоскали грязное белье друг друга. Одна из разводящихся пар тогда даже перевернула стол. И гадать не нужно — это шоу явно пыталось скопировать успех предшественника, чтобы урвать свой кусок хайпа.

Бан Юньфан предположила:

— Может быть, Сун Чэн не против?

— И речи быть не может.

Цинь Унянь ответил категоричным отказом:

— Он не из этой сферы. Участие в подобном шоу означает выставление личной жизни напоказ зрителям. И как ему после выхода передачи жить нормальной жизнью?

Бан Юньфан возразила:

— Там же есть сценарий! Я уже связалась с режиссером: всё будет строго по сценарию, тебе с Маленьким Суном нужно будет лишь немного подыграть.

Мэн Шиюэ вставила слово:

— Неужели ты думаешь, что если он не пойдет на это шоу, в его жизни ничего не изменится? Ты видел, что пишут о нем в сети? Кое-кто уже начал раскапывать его личную жизнь.

Цинь Унянь замер и тут же вытащил телефон, открыв Вейбо. Первые несколько позиций в трендах занимали темы с его участием: «Провал прямого эфира Цинь Уняня», «Цинь Унянь признал наличие бывшего парня», «Цинь Унянь сказал спрашивать о видео у Чжоу Цингэ», «Бывший парень Цинь Уняня».

Убравшись на кухне, Сун Чэн больше не нашел себе занятий. Дом Цинь Уняня был огромным: три этажа над землей и один подземный, но благодаря регулярным визитам уборщицы каждая комната систотой напоминала выставочный зал. Окинув взглядом пространство, Сун Чэн с удивлением обнаружил, что, кроме только что вычищенной кухни, в доме не осталось ни

единого уголка, где можно было бы приложить руки.

Цинь Унянь, нахмурившись, кликнул на аккаунт автора комментария, державшегося в топе, и увидел репосты целой кучи розыгрышей и скриншоты из игр. Только после этого Цинь Унянь немного расслабился.

Цинь Унянь продолжал неотрывно смотреть в экран. Подождав немного, Бан Юньфан произнесла:

— Вместо того чтобы позволять им гадать и молоть языком, лучше разрешить самому Сун Чэну высказаться. Спасибо твоим отчаянным многолетним стараниям испортить собственный имидж — твои фанаты самые толерантные к личной жизни айдолов из всех, что я видела. Конечно, стоит сказать спасибо и Чжоу Цингэ: из-за того, что она оклеветала тебя домашним насилием, теперь они считают, что раз это не Чжоу Цингэ, то ты можешь встречаться хоть с котиками и собачками, и они слова не скажут.

— Смотри, как бы учитель Цинь в интернет не вышел и не пришел спорить с тобой, вооружившись своей позолоченной клавиатурой.

Первые три тренда он проигнорировал и сразу ткнул в четвертый, обнаружив сет из девяти скриншотов трансляции, опубликованных маркетинговым аккаунтом. На каждом кадре был запечатлен Сун Чэн, а количество комментариев под пост уже перевалило за десятку тысяч и продолжало стремительно расти.

— Ха-ха-ха-ха-ха, значит, я не одна такая. Почему-то мне вечно кажется, что он обречен остаться старым холостяком до конца своих дней.

Бан Юньфан тоже сообразила, в чем дело, и торопливо шлепнула себя по губам:

— Оговорила, второй молодой господин, не сердитесь.

— Сестрицы, берегите себя! Когда учитель Цинь придет меня ругать, я точно не стану ставить ему лайки под постами!

— Занимаю выжидательную позицию по отношению к Цинь Уняню. За последние годы было столько неожиданных поворотов, что я не рискую принимать чью-то сторону раньше чем через пару месяцев. Но вы, фанатки, такие милые! Я не хочу фанатеть по Цинь Уняню, я хочу фанатеть по милым фанатам!

Этот аккаунт утверждал, что знаком с Сун Чэном — мол, они учились в одной старшей школе, и автор никак не ожидал, что тот тайком крутил роман с Цинь Унянем. Уловив запах сплетен, толпа тут же наинулась на него с вопросами: какой Сун Чэн человек, каково его финансовое положение, чем он занимается сейчас и есть ли у него темные пятна в репутации.

Раз уж кто-то стремится привлечь к себе внимание, значит, и интересующихся людей невероятно много. Поговорка о том, что человек боится известности, а свинья — своего веса, возникла не на пустом месте.

— Охренеть, учитель Цинь в очередной раз перевернул мое представление о реальности. У него с такой внешностью может быть бывший парень? А я-то думала, он девственником в могилу сойдет!

Цинь Унянь хмуро перечитывал контракт, но спустя две секунды все же покачал головой:

— Нет, не годится, я не хочу доставлять ему столько хлопот.

Лицо Цинь Уняня помрачнело. Кликнув на этот топ-комментарий, он обнаружил, что ветка ответов под ним была еще хуже.

Пропустив бессмысленные реплики вроде: «Цинь Унянь — гей?!», «Чжоу Цингэ, щеки не горят? Настоящая пара сама вышла в свет», «Кого волнует, кем был бывший Цинь Унянь? Я просто хочу, чтобы этот уголовник выкатился из шоу-бизнеса!» — Цинь Унянь наконец наткнулся на комментарий, имеющий отношение к Сун Чэну.

Цинь Унянь резко поднял голову, его лицо выражало крайнее недовольство:

— Ты про кого?

Мэн Шиюэ откинулась на спинку дивана и бросила:

— Так пойди и спроси его самого, разве сложно? Вдруг он согласится.

Цинь Унянь быстро заскроллил ленту вниз и обнаружил, что дальше простирается сплошное море радости. С мрачным выражением лица он вышел из этой ветки комментариев.

Этот пользователь никак не мог быть одноклассником Сун Чэна — скорее всего, просто сболтнул чушь ради хайпа.

Сун Чэн чувствовал, что у него обострился синдром бедняка: он был прирожденным трудягой, и стоило его рукам остаться без дела, как в душе поднималась паника.

Нарезав несколько кругов по гостиной, Сун Чэн некоторое время раздумывал: последовать ли зову сердца и убрать в шкаф все эти расставленные по комнате безделушки или же найти способ выплеснуть накопившуюся энергию? Здравый смысл подсказывал выбрать второе, но импульс тянул к первому.

Сун Чэн уставился на тщательно спланированные дизайнером интерьера зоны размещения декора, и его пальцы зачесались в предвкушении.

Личная гигиена не требует красоты, она требует порядка! Убрать всё, что выставлено на виду, убрать!

Он слышал, как этот призыв звучал в глубине его собственного разума.

В больнице он вел себя иначе, потому что больничная обстановка казалась чуждой. Он так и не смог расслабиться, какая-то струна внутри него постоянно оставалась натянутой. За исключением сна, большую часть времени он послушно лежал на койке, глядя в телефон. Тогда он просто чувствовал себя неуютно и скучно, но у него совсем не было нынешнего состояния, когда отчаянно хочется хоть что-то поделать.

Сун Чэн подозревал, что раз уж ему доводилось жить здесь раньше, то в год их женитьбы он, должно быть, являлся полноправным хозяином этого дома?

Именно поэтому у него возникало столь естественное желание навести здесь порядок, словно в собственном жилище.

Увы, после трех лет забвения это место больше не было его домом, а человек, живший здесь, больше не являлся его нежным мужем.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Сун Чэн, еще мгновение назад заряженный энергией словно батарейка, мгновенно сник. Он побрел к дивану и с убитым видом опустился на него. Одолеваемый меланхолией, он машинально протянул руку, взял небрежно брошенный на спинку дивана плед и принялся аккуратно, стык в стык, складывать его вдвое.

Именно в этот момент вернулся Цинь Унянь. В мягком желтом свете ламп Сун Чэн, опустив взгляд на складываемый плед, обнажал изящный изгиб тонкой шеи. Выражение его лица было таким мягким, почти одиноким — точь-в-точь как у миллионов других жен, ждущих мужей, которые снова задерживаются допоздна.

Струны души Цинь Уняня легко натянулись. Застыв в прихожей, он на секунду лишился способности двигаться. А Сун Чэн, услышав звук открывающейся двери, поднял голову, и на его лице расцвела удивленная, радостная улыбка:

— Ты вернулся.

Ого.

Разве не об этом моменте он мечтал раньше? Среди множества картинок под грифом «только для взрослых» эта была самой душевной, но в то же время — самой фальшивой.

Настолько фальшивой, что, стоило ему увидеть ее во сне, он тут же просыпался, ведь даже в сновидениях он знал: Сун Чэн не станет ждать его дома, он давно от него отказался.

Изначально Цинь Унянь собирался не давать Сун Чэну этот контракт, посчитав затею бессмысленной. Свои проблемы он привык решать сам, а интернет, хоть и славится памятью, на деле забывает всё через несколько дней. У самого Сун Чэна не было ни компромата, ни взрывных поводов, а прошлое оставалось в прошлом — интерес публики к нему продержится от силы три дня, после чего его постепенно предадут забвению. Пройдет месяц, и при одном упоминании Сун Чэна в сети станут переспрашивать: «А кто такой Сун Чэн?»

Изначально Цинь Унянь рассуждал именно так, но теперь он передумал.

Он вечно думал о комфорте Сун Чэна: тот говорил, что не хочет обсуждать определенные темы, и он молчал; говорил, что им пока не стоит видеться, и он давал ему время; говорил, что любит вовсе не его, и он не задал в ответ ни единого вопроса, послушно вернувшись к работе и заодно отмахнувшись от навязывавшейся певички. Он планировал дать ему остыть, чтобы потом разыскать снова, а в итоге... тот просто исчез.

Четыре года.

И вот теперь он вернулся, а сам он — этот круглый дурак — до сих пор не избавился от рефлексов и по привычке встал на сторону Сун Чэна, думая о его выгоде. Но даже у преданного пса должен быть предел самоуважения! В конце концов, он же Цинь Унянь — Цинь Унянь, способный заткнуть за пояс любого в словесной перепалке. Пора бы подумать и о себе!

Вытащив контракт, Цинь Унянь сжал его в руке, но не спешил отдавать Сун Чэну.

Сун Чэн чувствовал, что тот хочет ему что-то сказать. Подождав немного и не дождавшись ни слова, он не удержался от вопроса:

— Что-то случилось?

Цинь Унянь ответил:

— Мой агент велела спросить, не хочешь ли ты вместе со мной сняться в шоу о разборках. Она хочет с твоей помощью поправить мне имидж.

Сун Чэн: «...»

Брат, в сети писали, что ты рубишь правду-матку, но чтобы настолько — ни капли преувеличений.

Помолчав пару секунд, Сун Чэн кивнул:

— Можно. Мне нужно как-то подготовиться заранее?

Поучиться скандалить, чтобы потом не опозориться непрофессионализмом.

Цинь Унянь нахмурился:

— Ты вообще понял, что я сказал? Это шоу со скандалами и грызней, ты там будешь лишь пешкой! У меня огромная армия фанатов, а ты — обычный человек, они тебя живьем сожрут!

Сун Чэн озадаченно посмотрел на него:

— Да? Я ведь тоже заходил в интернет, и почему-то все фанаты, которых я видел, были шокированы тем, что ты вообще с кем-то встречался?

Цинь Унянь: «...»

Он так и знал, что рано или поздно погибнет из-за этих фанатов.

Видя, что тот молчит, Сун Чэн отложил наполовину сложенный плед и легко улыбнулся:

— Ничего страшного, мне всё равно. Мы же в сети, никто из них не появится передо мной в реальной жизни. Я правда хочу помочь тебе, Цинь Унянь.

Сун Чэн говорил отчетливо, а произнося имя Цинь Уняня, намеренно смягчал голос, отчего это звучало то ли как шепот, то ли как нежный зов влюбленных.

Стоило ему так ласково произнести его имя, как Цинь Унянь с горечью понял, что он безнадежен.

Его суровое лицо чуть покраснело, к счастью, приглушенный свет скрывал это от Сун Чэна. Сделав вид, что ему вовсе неловко, Цинь Унянь небрежно закинул ногу на ногу и прикрикнул:

— Не подлизывайся, этот номер со мной не пройдет.

Помедлив мгновение, он добавил:

— Завтра поедем подписывать контракт. Ложись спать пораньше, если не сможешь встать — будить не стану.

<http://bllate.org/book/22052/2293150>